

Памяти удивительного человека

Когда уходит близкий тебе человек, с которым ты познакомился на очень зрелом – может быть, не очень далеком от завершения – этапе твоей жизни, это ударяет вдвойне – и тем, что отсечена еще одна возможность душевного общения, и напоминанием, что и по тебе скоро прозвонит этот колокол. Но когда уходит друг, с которым жизнь свела тебя в твои молодые годы, это бьет намного сильнее. Пусть жизнь и разнесла вас в разные стороны, пусть та же жизнь – куда деваться от повседневных забот и нарастающего с возрастом груза обязательств и тревоги «успеть бы» – делает невозможным общаться так часто, как хочется, – все равно уход друга молодости бьет особенно больно.

Наша первая встреча произошла в Комиссии по народному творчеству СК СССР. Я, в то время бывавший в Москве по меньшей мере раз в полгода, всегда находил время, чтобы зайти туда, пообщаться с замечательными, глубоко интеллигентными людьми (и замечательными профессионалами), там работавшими, – Женей Андреевой, Наташей Ржавинской, Леной Новик (двоих последних, увы, уже нет на свете). В один из моих приходов в комнату вошел с каким-то вопросом высокий худой человек. Нас познакомили: «Эд» – «Моисей». Меня сразу поразило сочетание острого, как бы мгновенно ощупывающего собеседника взгляда с откровенной доброжелательностью. Мы разговорились. Обычное: кто чем занимается? Моя тематика – количественные методы анализа музыкального текста, связь с лингвистикой и т. д. затрагивали то, чем Эд занимался, мягко говоря, по касательной. Однако слушал он с интересом. Задавал вопросы. Эта его способность не просто интересоваться вещами, весьма далёкими от его тем, а войти в круг новой проблематики меня восхитила и на протяжении всего нашего общения продолжала восхищать. Редкое качество для глубокого профессионала в своем деле – то, что Эд им является, я понял, прочитав его работы.

Потом мы встречались на конференциях – Москва, Минск, Одесса, Тарту... – и каждый раз Эд поражал ясностью и глубиной взгляда на предмет обсуждения, интересом к глубинным процессам в фольклоре, способностью глубоко понять чужие результаты, даже в далёкой от него сфере. Его собственные работы по проблеме нотирования народной музыки и проблеме ладообразования – фундаментальные исследования с самой широкой перспективой.

Широта интересов Эда не заканчивалась простым разговором о том или ином новом. Так, он с самого начала положительно

отнёсся к идее создать при комиссии интердисциплинарную группу по количественным методам в фольклористике. Возник сборник неплохих работ – редкий продукт действительно коллективного творчества (математик Андраник Тангян, я, Женя Андреева... и, конечно, Эд) – жаль, что высказанные там идеи не получили дальнейшего развития, но так сложилось.

В человеческом плане Эд с самого начала покорила меня – как он покорял многих и многих других. Он был настоящим другом, человеком, оставившим глубокий след в науке и в душах тех, кто понимал его неординарность.

*Моисей Борода,
музыковед, писатель, член СК и СП Грузии,
председатель окружного Союза немецких музыкантов*